

Сказки братьев Grimm. Лесной дом

В маленькой избушке на опушке глухого леса жил с женой и тремя дочками дровосек-бедняк. Однажды утром, собираясь на свою обычную работу, он сказал жене своей: «Прикажи старшей дочке принести обед в лес; мне до обеда не управиться... А чтобы она не заблудилась, я захвачу с собою мешочек с просом и всюду его по дороге стану разбрасывать».

Когда солнце стало над лесом, девушка с горшком похлебки пустилась в путь.

Но воробьи, жаворонки и зяблики, дрозды и чижи давно уже успели склевать разметанное по лесу просо, и девушка не могла найти отцовский след.

Тогда она пошла наугад и шла так, пока солнце не село за лес и не наступила ночь. Деревья шумели в темноте, совы завывали, и ей стало страшно.

Тут увидела она вдали огонек, мерцавший между деревьями. «Там, вероятно, люди живут, – подумала девушка, – и пустят меня переночевать», – и пошла на огонек. И вскоре она пришла к дому, окна которого были освещены.

Она постучалась, и грубый голос крикнул изнутри: «Войдите!» Девушка вступила в темные сени и постучалась у комнатной двери. «Входи же!» – крикнул тот же голос, и когда она открыла дверь, то увидела за столом седого старика, который сидел, опустив голову на руки, а седая борода его белой волной перекидывалась через стол и висела почти до земли.

А у печки сидели курочка с петушком и лежала пегая корова.

Девушка рассказала старику, как она заблудилась, и попросила его о ночлеге.

Старик проговорил:

Ты, курочка-красавица!

Красавец-петушок!

Ты, пестрая коровушка!

Что скажете на то?

Все животные разом ответили: «Дукс!» – и, вероятно, это обозначало их согласие, потому что старик сказал девушке: «Здесь дом, что полная чаша; ступай к очагу да свари нам хороший ужин».

И точно, девушка нашла в кухне все в изобилии и сварила хорошее кушанье на ужин, а о животных-то и не подумала. Принесла она полнешенько блюдо на стол, присела к старику, поела с ним вместе и утолила свой голод.

Насытившись, она сказала: «Ну, теперь я устала, где тут найдется постель, в которую я могла бы лечь и уснуть?»

Тут корова, петушок и курочка ей ответили:

Ты с ним одним покушала,

Ты с ним одним пила,

О нас забыла ты, видать...

Ищи сама, где будешь спать.

Тогда сказал ей старик: «Взойди на лестницу и найдешь там комнату с двумя постелями; взбей их и покрой чистым бельем; тогда и я туда же приду и там спать лягу».

Взошла девушка наверх, взбила постели, покрыла чистым белье, и легла в одну из них, не дожидаясь старика. Несколько времени спустя пришел старик, взглянул на девушку при свете свечи и покачал головой.

Когда же он увидел, что она крепко уснула, то отворил под кроватью крышку и спустил девушку в подполье.

А дровосек пришел под вечер домой и стал укорять жену, что она его заставила весь день голодать. «Не моя в том вина, – отвечала ему жена, – я послала к тебе дочку с обедом, верно,

она заблудилась, так авось придет завтра».

Дровосек поднялся еще до рассвета и, отправляясь в лес, потребовал, чтобы на этот раз вторая дочка снесла ему обед. «Я захвачу мешочек с чечевицей, – сказал он, – она покрупнее проса, дочке ее легче будет заметить, а потому она и с пути не собьется».

В полдень вышла вторая дочка с обедом, но нигде чечевицы не нашла: лесные пташки, как и накануне, расклевали ее всю, и никакого следа не осталось.

Проплутала, девушка по лесу до ночи, затем так же пришла к дому старика, была приглашена туда войти и стала просить об ужине и ночлеге.

Седобородый старик опять обратился к петушку, курочке и коровушке со своим вопросом:

Ты, курочка-красавица!

Красавец-петушок!

Ты, пестрая коровушка!

Что скажете на то?

Они опять отвечали ему: «Дукс!» – и все случилось точно так же, как накануне. Девушка сварила хорошее кушанье, пила и ела со стариком, а о животных не позаботилась. И опять стала спрашивать о том, где ей лечь; они отвечали:

Ты с ним одним покушала,

Ты с ним одна пила;

О нас забыла ты, видать...

Ищи сама, где будешь спать.

И как только она заснула, пришел старик, посмотрел на нее, покачал головой и так же спустил ее в подполье.

На третье утро дровосек сказал жене: «Пришли мне сегодня обед с нашею младшею дочкою; она всегда была такая добрая и послушная; она сумеет найти настоящую дорогу, не то, что ее сестры-непоседы, – не станет шнырять вокруг да около».

Мать не хотела отпускать в лес еще и третью дочь: «Неужели же я должна потерять и это самое любимое мое детище?» – «Не

беспокойся! – сказал дровосек. – Эта девушка не заблудится. Она такая у нас разумница! Да к тому же я захвачу с собою гороху и стану его на моем пути разбрасывать... Горох чечевицы крупнее, как по нем не найти дороги?»

Но когда девушка с корзиночкой на руке вышла из дома, то уж все горошины были в зобах у лесных горлинок, и она решительно не знала, в какую сторону ей в лесу отправиться. Она очень была озабочена и постоянно думала о том, как бедный отец из-за нее голодает и как добрая матушка ее стала бы сокрушаться, если бы и она в лесу заблудилась.

Наконец, когда стемнело, она увидела огонек и пришла к лесному дому. Кротко и ласково попросила она себе приют на ночь, и седобородый старик опять обратился к своим животным с вопросом:

Ты, курочка-красавица!

Красавец-петушок!

Ты, пестрая коровушка!

Что скажете на то?

«Дукс!» – отвечали они. Тогда девушка подошла к печи, около которой они были, и курочку с петушком по перышкам погладила, а пегую корову между рогами пощекотала.

Когда же по приказанию старика она сварила хороший суп и поставила его на стол, то сказала: «Неужели я есть стану, а этим добрым животным ничего не дам? Тут всего вдоволь, так надо и о них позаботиться».

Вот и пошла она, и принесла гречи, и посыпала перед курочкой и петушком, а коровушке принесла охапку душистого сена. «Кушайте на здоровье, милые мои, – сказала она, – а если вы пить хотите, то я вам и свежей воды запасу». И вот принесла она им полное ведро воды, и курочка с петушком напились с краешка, а корова в ведро морду сунула и напилась досыта.

Когда все они были накормлены и напоены, девушка под села к старику за стол и ела только то, что он ей оставил.

Вскоре и петушок с курочкой стали головку под крылышко подвертывать, и коровушка глазами помаргивать. Тогда девушка

сказала: «Не пора ли нам и всем на покой?»

Ты, курочка-красавица!
Красавец-петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?»

Петушок, курочка и коровушка отвечали: «Дукс!

Ты с нами всеми кушала,
Ты с нами и пила,
Теперь на мягкую кровать
Ты отправляйся мирно спать!»

Тут взошла девушка на лестницу, изготовила постели, и когда все было готово, пришел старик и лег на одну из кроватей, прикрывшись до самых ног своей седой бородой.

Девушка легла на другую кровать, помолилась Богу и заснула спокойно.

Так проспала она до полуночи; а тут вдруг и проснулась от страшного шума и треска во всем доме.

В углу что-то трещало и стучало, дверь распахнулась настежь и ударилась о стену.

Все балки гудели, словно кто их из стены выворачивал; а потом и лестница как будто обвалилась, и наконец что-то так грохнуло, как будто весь дом рухнул разом.

Но так как потом все опять стихло, то она осталась в своей постели и опять заснула.

Когда же утром она проснулась при ярком солнечном свете, что же она увидела?

Лежала она в большом зале, и все кругом блистало царственной роскошью: на стенах по зеленому шелковому полю раскидывались золотые цветы; кровать была из слоновой кости, и одеяло на ней – красное, бархатное, а рядом на стуле лежала пара красивых туфель, вышитых жемчугом.

Девушка думала, что все это ей во сне видится; но в зал вступили трое богато одетых слуг и спросили ее, что она им прикажет. «Ступайте, – сказала им девушка, – я сейчас встану,

сварю суп старику, а затем и петушка, и курочку, и коровушку накормлю».

Она подумала, что старик-то уж, верно, встал, обернулась к его кровати, а на ней его уже нет, и вместо него лежит какой-то чужой, молодой и красивый...

И вот он проснулся, поднялся и стал говорить ей: «Я королевич; меня заморозила злая ведьма и осудила на то, чтобы я жил стариком в лесу, и никто не смел жить около меня, кроме моих трех слуг в образе петушка, курочки и пестрой коровушки. И это должно было длиться до тех пор, пока не придет к нам девушка, настолько добрая, что не только к людям, но даже и к животным выкажет себя милостивой. Эта девушка – ты! Сегодня в полночь мы все благодаря тебе были избавлены от чар и старый лесной домишко опять превращен в мой королевский дворец».

Затем королевич призвал своих слуг и приказал им поехать и привезти родителей девушки на празднование свадьбы.

«Но где же сестры-то мои?» – спросила девушка. «Их я запер в подполье, и завтра они будут отведены в лес; там придется им быть в услужении у угольщика до тех пор, пока они не станут добрее и научатся не забывать о бедных животных».

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Тощая Лиза

Тревожна, непоседлива была тощая Лиза! Она и сама с утра до вечера суежилась, и мужу своему, долговязому Ленцу, столько работы на руки навалила, что ему кряхтеть приходилось не меньше, чем ослу под тремя мешками.

И все эти труды их ни к чему не приводили: ничего у них не

было, и ничего не могли они добиться.

Однажды вечером, когда Лиза уже лежала в постели и ни рукой, ни ногой от усталости шевельнуть была не в силах, она все же не могла успокоиться и все передумывала всякие думы.

Наконец она толкнула своего мужа локтем в бок и сказала: «Слышишь ли, Ленц, что я придумала! Вот если бы я один полтинник нашла, да один бы мне подарили, так я бы один к ним признаняла, да у тебя бы еще один полтинник выпросила, тогда бы я сейчас себе телочку купила».

Мужу эта затея очень понравилась; он сказал: «Хоть я, признаться, и сам не знаю, откуда я тебе полтинник возьму; ну, а все же, если ты подкопишь денег и на те деньги коровку купишь, то ты отлично сделаешь. Ведь это даже и подумать-то радостно, что если, к примеру, та корова теленочка принесет, так ведь и мне иногда, пожалуй, молочка перепадет». – «Не для тебя у нее молоко будет, а для теленка; пусть растет да жиреет, чтобы нам его продать подороже». – «Конечно, так, – отвечал муж, – ну, да ведь если мы немного молока возьмем – в том еще не велика беда!» – «Да ты откуда знаешь, как с коровами обращаться следует? – спросила жена. – Велика ли беда, нет ли, я этого не хочу: ты хоть на голове ходи, а молока не видать тебе ни капли. Ах ты, долговязый, ненасытная твоя утроба! Или ты задумал разорить то, что я своими трудами скопила?» – «Молчи, баба! – сказал муж. – Не то я на тебя намордник надену!» – «Как? Ты смеешь так грозить, обжора, лентяй этакий?»

Она было собиралась ухватить его за волосы, но долговязый Ленц поднялся, взял тощую Лизу за руки и повернул ее головой в подушку; как она ни бранилась, он продержал ее так до тех пор, пока она, истомившись, не заснула наконец.

Уж не знаю, право, как вам и сказать: пошла ли она на другой день свой полтинник искать или стала повчерашнему мужа ругать – про то нам неизвестно...

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Мужичок на небе (Бедняк на небе)

Помер однажды бедный, честный мужичок, и постучался он в небесные врата. А в это самое время подошел к ним один богатый-пребогатый помещик, он тоже хотел попасть на небо. Загремел святой Петр ключами, открыл Врата и впустил богача; а мужичка, должно быть, и не заметил и захлопнул врата. Услыхал мужичок издали, как тот вельможа в радостях проводит свое время на небе, как поют там и играют.

Наконец все снова затихло, но вот загремел святой Петр ключами, отворил небесные врата и впустил на небо и мужичка. Думал мужичок, что когда он явится, будут тоже петь и играть, - но все было тихо. Его приняли приветливо, его тоже встретили ангелы, но никто не пел. Тогда спросил мужичок святого Петра, почему никто ему не пел, как тому вон богатому вельможе? Видно, и на небесах, как и на земле, все разделено на сословья?

И сказал святой Петр: «Не завидуй ему, ты одинаково любим, как и все остальные, и ты насладишься всеми небесными радостями, как и тот богач; но, видишь ли, такие вот бедные мужички, как ты, попадают на небо каждый день, а такой богатый вельможа за целое столетие лишь раз.»

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Могучий Ганс (Сильный Ганс)

Жили-были муж и жена, и был у них единственный ребенок, и жили они одиноко, среди долины, лежащей в стороне от дорог.

Однажды мать пошла в лес за хворостом и взяла с собою Ганса, которому было два года. Дело было весной, и ребенок забавлялся пестрыми цветами, она и шла с ним все далее в глубь леса.

Вдруг из-за кустов выскочили двое разбойников, схватили и мать, и дитя и повели их в самую чащу дремучего леса, где из году в год не ступала нога человеческая. Бедная женщина умоляла разбойников отпустить ее с ребенком на волю, но у разбойников сердце было каменное: они и слышать не хотели их просьбы и мольбы.

После двух часов пути они пришли к скале, в которой проделана была дверь; разбойники постучались, и она тотчас отворилась.

Прошли они по длинному, темному проходу и пришли в пещеру, освещенную огнем, горевшим в очаге. По стенам были развешаны мечи, сабли и всякое другое оружие, сверкавшее при огне, а посреди пещеры стоял большой черный стол, а во главе стола – атаман.

Он подошел к перепуганной женщине, стал ее уговаривать и успокаивать, и сказал, что они ей никакого зла не сделают,

добавив: «Прими на себя заботы о нашем доме, и если все у тебя будет в порядке, то и тебе у нас недурно будет».

Много лет сряду бедняжка оставалась на службе у разбойников, и Ганс тем временем успел вырасти и окрепнуть. Мать забавляла его рассказами, а по старой рыцарской книге научила его и читать.

Когда Гансу минуло девять лет, он вырубил себе крепкую дубину и припрятал ее позади кровати; затем он пошел к матери своей и сказал: «Матушка, скажи ты мне: кто мой отец? Я хочу и должен это знать!»

Мать молчала и не хотела ему говорить, опасаясь, как бы он не истосковался по дому своему; а между тем сердце у нее разрывалось при мысли, что Ганс никогда не увидит отца своего...

Когда разбойники вернулись со своих хищнических подвигов, Ганс вытащил дубинку, стал перед атаманом и сказал: «Я хочу знать, кто мой отец, и если ты не скажешь, я пришибу тебя на месте!»

Атаман засмеялся да такую дал пощечину Гансу, что тот покотился под стол. Поднялся Ганс на ноги, смолчал и подумал: «Обожду еще годок и тогда попытаю – может быть, дело и лучше пойдет?»

Когда год минул, он опять вытащил свою дубинку, полюбовался на нее, обтер с нее пыль и сказал: «Крепкая, славная дубинка!»

Ночью вернулись разбойники, стали пить вино кружку за кружкой, да наконец и головушки склонили. Тут Ганс вытащил дубинку, опять стал перед атаманом и спросил его: «Кто мой отец?»

Атаман опять дал ему такую оплеуху, что Ганс покотился под стол, но тотчас же поднялся, набросился с дубинкой на атамана и разбойников и так их избил, что они ни рукой, ни ногой не могли шевельнуть. Мать из угла смотрела на это и не могла надивиться храбрости и силе своего сына. Покончив с разбойниками, Ганс опять обратился к матери с вопросом об отце своем. «Милый Ганс, – отвечала ему мать, – пойдем вместе его разыскивать и отыщем». Она взяла у атамана ключ от входной двери, а Ганс добыл большой мешок, набил его туго золотом, серебром и всяким добром и взвалил его на спину.

Так ушли они из разбойничьего вертепа, и как же Ганс был поражен, когда из мрака пещеры вышел на свет Божий и увидел

зелень леса, цветы и птичек, порхавших на солнце! Он останавливался и смотрел на все это, словно был не в своем уме.

Мать разыскала дорогу домой, и после двух часов ходьбы они благополучно прибыли в свою уединенную долину, к своему домику.

Отец сидел у дверей и расплакался от радости, увидев вновь своего сына и жену, которых он давно уже почитал умершими. Однако же Ганс, хоть ему и было двенадцать лет, был на голову выше отца своего.

Вошли они в дом; но чуть только Ганс опустил мешок свой на лавку, весь дом затрещал, скамья подломилась, а за нею и пол тоже, и мешок прямо провалился в подполье.

«Господи Боже мой! Да что же это такое? Ведь ты весь наш дом поломал!» – «Не стоит об этом и тревожиться, – сказал Ганс отцу, – там в мешке есть на что дом заново построить».

И вот отец с Гансом принялись тотчас же строить новый дом, скот покупать и хозяйничать. Ганс пахал землю, и когда он позади плуга шел, напирая на него руками, то быкам почти не приходилось тащить плуг.

На следующую весну Ганс сказал: «Батюшка, оставьте при себе деньги и прикажите мне выковать посошок подорожный в два с половиною пуда весом, с ним пойду я по белу свету странствовать».

Когда его желание было исполнено, он покинул отцовский дом, пошел путем-дорогою и зашел вскоре в дремучий и темный лес. И вот услышал он, что где-то трещит и поскрипывает что-то, и увидел сосну, которая снизу и доверху была вся перекручена, как толстый канат; глянул Ганс вверх и увидел рослого малого, который, ухватив дерево за вершину, крутил его на корню как ивовый прутик. «Эге! – крикнул Ганс. – Ты это что там делаешь?» Малый отвечал: «Да вот, вчера навалил я хворост грудями, так теперь к тому хворосту канат кручу».

«Недурно! – подумал про себя Ганс. – У этого малого силенка есть». И потом закричал малому: «Брось это и пойдем со мною!» Малый слез с дерева и оказался на целую голову выше Ганса, хотя тот был не низок. «С этой поры, – сказал Ганс, – я тебя

Закруткой и буду звать».

Пошли они далее и слышат, как что-то стучит с такою силою, что при каждом ударе земля дрожит. Вскоре после того подошли они к громадной скале, перед которой стоял великан и кулаком отбивал от нее большие каменные глыбы.

Когда Ганс его спросил, зачем он это делает, тот отвечал: «Мне ночью спать не дают волки и медведи и прочая подобная мелюзга – бродят кругом меня, обнюхивают; так вот себе для покоя хочу дом построить и в том доме спать».

«Пожалуй, и этот может пригодиться», – подумал Ганс и сказал ему: «Брось эту постройку, пойдем со мною; я тебя стану называть Дробилой». Тот согласился, и пошли они втроем, и куда ни приходили, всюду дикие звери бежали от них без оглядки.

Вечером зашли они в старый, покинутый замок, поднялись наверх и легли спать в зале. Наутро Ганс сошел в сад, совсем заглохший и заросший терновником и бурьяном. И вдруг бросился на него кабан, но Ганс не смутился и такой нанес ему удар своей палицей, что тот пал на месте. Тогда он взвалил его на плечи и отнес наверх; надев кабана на вертел, они стали его жарить и были очень веселы.

Вот и уговорились они, что каждый день двое должны по очереди ходить на охоту, а один должен дома оставаться и варить на каждого по девять фунтов мяса.

В первый день остался дома Закрутка, а Ганс и Дробила пошли на охоту. В то время, как Закрутка был занят приготовлением пищи, в замок пришел старый сгорбленный человечек и потребовал себя мяса. «Убирайся вон, старая крыса! – отвечал Закрутка. – Какое еще тебе мясо нужно!»

Но каково же было удивление Закрутки, когда этот маленький неказистый человечик вдруг на него вскочил и принялся его так дубасить кулаком, что он и защититься не сумел, пал на землю и еле дышать мог. Человечек, однако же, ушел не прежде, чем выместил на нем всю свою злобу.

Когда вернулись с охоты его двое товарищей, Закрутка не сказал им ничего о старом человечке и о происшедшей между ними потасовке, а сам подумал: «Как они дома останутся, так пусть-ка с этим старым ежом побиться попробуют!» – и эта мысль

доставила ему некоторое удовольствие.

На следующее утро остался дома Дробила, и с ним случилось то же, что с Закруткой: и его тоже избил человек за то, что он не хотел ему дать мяса.

Когда остальные двое товарищей вернулись вечером домой. Закрутка заметил, что и Дробиле тоже досталось порядком; однако же оба смолчали и думали про себя: «Пусть и Ганс той же похлебки отведает!»

Ганс, оставшись на следующий день дома, стоял себе у очага и снимал пену с котла, как явился тот же человек и без дальних околичностей потребовал себе кусок мяса. Ганс подумал: «Дам-ка этому бедняку кусок от моей доли, чтобы других не обделить», – и подал ему кусок мяса.

Когда карлик мясо съел, он потребовал себе еще, и добродушный Ганс еще дал ему хороший кусочек, сказав, что больше дать не может. Но тот потребовал и третьего куска. «Совести у тебя нет!» – сказал Ганс и ничего ему не дал.

Тогда вздумал было злой карлик и на него тоже вскочить и отделать его так же, как Закрутку и Дробилу, но не на того напал. Ганс дал ему пару таких пинков, что тот слетел со всей лестницы разом.

Ганс хотел за ним бежать, да растянулся на лестнице, споткнувшись о карлика. Когда он опять поднялся на ноги, карлик уже далеко обогнал его.

Ганс поспешил за ним, добежал до леса и видел, как тот юркнул в одну из пещер в скале. Ганс заметил это место и пошел домой. Оба товарища, вернувшись, удивились тому, что нашли Ганса совершенно спокойным. Тот рассказал им о случившемся, да и они от него не скрыли то, что у них было с карликом. Ганс рассмеялся и сказал: «И поделом вам! Зачем вы так скупались на мясо? Но стыдно, что при вашем росте и силе вы дали себя побить карлику!»

Затем они взяли корзину и толстый канат и втроем отправились к пещере в скале, к жилью карлика; в корзине они и спустили туда Ганса с его палицей.

Опустившись на дно пещеры, Ганс разыскал там дверь, а как отворил ее, то увидел за нею в комнате красавицу писаную, а

рядом с нею сидел карлик и скалил на него зубы, словно злая обезьяна.

А красавица-то была в цепи закована и так печально взглянула на Ганса, что ему стало жаль ее, и он подумал: «Я должен ее освободить из-под власти злого карлика!» – да так ударил его своей палицей, что тот пал наземь мертвый. Тотчас же спали цепи с красавицы, и Ганс был очарован ее красотой.

Тут она рассказала ему, что она – королевская дочь, которую граф-злодей похитил из ее отчины и здесь заключил среди скал потому только, что она его знать не хотела; а этого карлика граф посадил ее стеречь, и ей пришлось от него вытерпеть много горя и притеснений.

После всех этих разговоров Ганс посадил красавицу в корзину и приказал ее тащить вверх. Корзина поднялась и вновь опустилась на дно пещеры, но Ганс не решился довериться своим товарищам и подумал: «Они уж выказали свое лукавство в том, что ничего не сказали мне о карлике, кто их знает, что теперь у них на уме».

Вот и положил он в корзину только свою палицу, и это было для него большое счастье, потому что чуть только корзина поднялась до половины высоты, они ее сбросили вниз, и если бы Ганс в ней сидел, то убился бы насмерть.

Беда была только в том, что он не знал, как бы ему из этой пропасти выбраться, и сколько он об этом ни думал, ничего придумать не мог. «Грустно сознавать, что тут помереть придется!» – подумал про себя Ганс.

Так-то размышляя и шагая взад и вперед, он опять прошел к той комнатке, где раньше сидела в цепях красотка, и тут он увидел, что у карлика на пальце блестит и светится какое-то кольцо.

Он это кольцо у карлика снял, надел на свой палец и чуть только на пальце его повернул, то вдруг услышал, как что-то зашумело у него над головой.

Он глянул вверх и увидел над собою воздушных духов, которые сказали ему, что он их господин, и стали спрашивать, чего он желает. Ганс сначала оторопел, но потом приказал им поднять себя наверх. Они ему тотчас повиновались, и он полетел, как на крыльях.

Когда же он очутился наверху, там уже никого не было, и в

замке тоже никого. Закрутка и Дробила успели бежать и красавицу с собою увели.

Но Ганс опять повернул кольцо, и явились к нему воздушные духи и доложили ему, что его товарищи уже на море.

Помчался им вслед наш Ганс и мчался, пока не достиг берега моря; там, далеко-далеко на море, он увидел кораблик, в котором уплывали от него его бесчестные товарищи.

И вот, в величайшем гневе, ни о чем не раздумывая, Ганс бросился в воду вместе со своею палицей и пустился плыть по волнам; но тяжелая палица тянула его книзу, так что он чуть не потонул. Еще вовремя успел он повернуть кольцо, и явились воздушные духи и с быстротою молнии перенесли его на кораблик. Тут он двумя взмахами покончил со своими дурными товарищами и выбросил их в море; потом направился к берегу с перепуганной красавицей, которую он освободил вторично.

Он отвез ее к отцу с матерью, был с ней повенчан, и веселью их конца не было.

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Птица гриф

Жил-был на свете король, и где он правил, и как он звался – этого никто не знает. Сыновей у него не было; была только единственная дочь, да и та постоянно болела, и никакой доктор не мог ее вылечить.

Кто-то королю и напороочил, что его дочь от яблока должна выздороветь. Вот он и объявил по всей своей стране, что кто его дочери доставит такое яблоко, от которого она выздоровеет, тот получит ее руку в награду и его королевство наследует.

Услышал об этом мужик, у которого было трое сыновей. Вот и сказал он старшему: «Ступай в сад, возьми корзину полнешеньку самых лучших яблок с красными бочками и снеси их ко двору; может быть, королева и выздоровеет, как их поест, и тогда ты на ней женишься и королем будешь».

Малый так и сделал и пустился в путь-дорогу. Шел он сколько-то времени и повстречал на дороге небольшого человечка, который его спросил: «Что у тебя в корзине?» А тот ему в насмешку и ответил: «Маленькие лягушата». Человечек сказал на это: «Ну, так пусть они там и останутся», – и пошел своей дорогой.

А малый явился в королевский замок и приказал о себе доложить, что принес он яблоки, от которых королева должна выздороветь, если поест их.

Король очень обрадовался, позвал парня к себе, но – о ужас! – когда вскрыли корзинку, то вместо яблок в ней оказались одни лягушата. Король очень рассердился и велел выгнать парня из замка. Придя домой, старший сын рассказал отцу все, как было. Тогда старик послал второго сына; но и с этим случилось то же, что со старшим.

И ему повстречался тот же человечек, и его тоже спросил, что у него в корзине, а когда парень ответил: «Свиная щетина», – человечек и ему так же сказал: «Ну, так пусть она и останется», – и когда парень принес свои яблоки в замок, у него вместо яблок оказалась в корзинке свиная щетина.

Тогда король страшно разгневался и велел парня прогнать из замка плетью.

Пришел тот к отцу и рассказал все, как было.

Услышал это младший сын старика, которого звали глупым Гансом, и спросил у отца, позволит ли он и ему снести яблоки в замок. «Вот именно, – сказал отец, – тебя только там и недоставало! Коли уж умные ничего не могли сделать, так ты-то на что способен?» Но Ганс все на своем стоял: «Право, отец, я тоже пойду!» – «Пойди ты прочь, дурень! Тебе еще подождать надо, пока ты поумнееешь», – сказал ему отец и повернулся к нему спиной.

А Ганс его сзади ухватил за одежду, трясет и говорит: «Право, батюшка, и я тоже пойду в замок». – «Ну и ступай! И ступай!

Мне-то что?»

Ганс этому очень обрадовался. «Ступай и поступай как дурень! Ведь ты и так день ото дня все глупее становишься!» – сказал Гансу отец.

Но это Гансу – как с гуся вода! Даже и радости его не нарушило. Но так как ночь уже наступала, то он решил обождать до утра.

Ночью он никак не мог заснуть в своей кровати, а когда начинал дремать, то ему снились красавицы, замки, золото, серебро и все тому подобное.

Рано утром он направился в путь и вскоре повстречался с тем же человечком, который и его тоже спросил, что у него лежит в корзине. Ганс отвечал ему просто, что у него в корзине яблоки, от которых королева должна выздороветь. «Ну, – сказал человечек, – коли яблоки, так пусть так и будет!»

Но при дворе его совсем не хотели было пускать: рассказали ему, что уже двое каких-то приходили и говорили, что с яблоками, а оказалось, что у одного в корзине были лягушата, а у другого – свиная щетина. Но Ганс утверждал, что у него точно в корзине превосходные яблоки, лучшие во всем королевстве!

Когда он все это объяснил, то привратник подумал, что он действительно не лжет, и впустил его, и когда король вскрыл его корзину, то увидел в ней румяные яблоки. Король этому очень обрадовался, сейчас же отправил яблоки к дочери и с волнением стал ожидать, как они на нее подействуют.

Немного спустя пришла к нему сама дочка: как она поела этих яблок, так и выздоровела и из постели выскочила.

Как король обрадовался, этого и описать нельзя!

Но когда пришлось отдавать дочь за Ганса замуж, королю этого и не захотелось, и он сказал парню: «Прежде, чем ты получишь дочку, ты должен сделать мне девять таких челноков, которые бы и по воде, и по суше ходили одинаково».

Ганс согласился, пошел домой и рассказал отцу все, как было. Тогда отец послал старшего сына в лес, чтобы наделать таких челноков.

Старший работал усердно, да притом и насвистывал. В полдень вдруг явился тот же человечек и спросил: «Что ты тут делаешь?»

Старший отвечал ему: «Деревянную посуду», – а человечек сказал на это: «Ну, пусть по-твоему и будет!»

И вот, когда уже этот малый, как ему казалось, совсем сработал челноки и хотел уже в них сесть, все они оказались деревянной посудой.

На другой день пошел второй брат, но и с ним то же случилось.

На третий день пошел глупый Ганс. Он работал так усердно, что по всему лесу раздавались удары его топора, да к тому же он еще и превесело пел и насвистывал.

В полдень опять-таки явился тот же человечек и спросил: «Что ты тут делаешь?» – «Челнок делаю, который бы и по суше, и по воде ходил одинаково», – ответил Ганс и пояснил, что когда он эту работу закончит, то за него выдадут королевну замуж. «Ну, – сказал человечек, – пусть так и будет по-твоему!»

Как солнце к закату, так Ганс и окончил свою работу над своими суденышками.

Сел он в одно из них и давай грести к королевскому городу; а судно его как ветер летит...

Увидел его король издали, а все еще не хотелось ему выдавать дочку за Ганса замуж; вот он и сказал: «Ты сначала должен попасть сотню зайцев от раннего утра и до позднего вечера и если хоть один от тебя ускользнет, то я за тебя дочку не выдам».

Ганс и этим доволен, и на другое утро рано погнал свое стадо в поле и так ухитрился его пасти, что ни один заяц от него не убежал.

Несколько часов спустя пришла из замка служанка и сказала Гансу, чтобы он ей поскорее выдал одного зайца – ей, мол, приказано приготовить его для приезжих гостей.

Но Ганс заметил, куда дело клонится, и отвечал служанке, что ничего ей не даст, потому что ему за каждого зайца придется перед королем отвечать.

Служанка с таким же требованием вернулась еще раз вечером, и Ганс ей сказал, что разве если сама королевна придет, так ей даст он одного зайца. Служанка об этом доложила в замке, и королевна сама отправилась к Гансу.

А тем временем явился к Гансу тот же человечек и спросил: «Что

ты тут делаешь?» – «Да вот, сотню зайцев пасу и еще так, чтобы все к вечеру налицо были; ну, а затем женюсь на королевне, да и сам в короли попаду». – «Хорошо, – сказал человечек, – вот, на тебе дудочку: как только какой-нибудь от тебя побежит, ты только заиграй на этой дудочке, и он опять к тебе назад вернется».

И вот, когда пришла королевна, Ганс ей сейчас дал зайчика, положил в ее передник; но не сделала она и сотни шагов, как Ганс заиграл на дудочке, и заяц у нее из передника – прыг! – и опять прибежал к стаду.

С наступлением вечера Ганс опять заиграл на дудочке, собрал все свое стадо кругом себя, пересчитал его и погнал в замок. Очень был король удивлен, что сумел Ганс всю сотню зайцев упасты и ни одного не упустил! А дочку-то все же не хотелось ему выдавать за Ганса.

Вот он и сказал ему: «Сначала ты принеси мне перо из крыла птицы гриф».

И Ганс, не раздумывая, тотчас пустился в путь и бодро пошел вперед.

Вечерком того дня пришел он к замку, стал проситься на ночлег, был принят хозяином замка весьма радушно и удостоен вопроса: куда он идет?

Ганс прямо и говорит: «К птице гриф». – «К грифу? Он все знает, а я как раз недавно потерял ключи от своего денежного ящика и нигде найти не могу: так попроси грифа сказать, где их искать». – «Ладно, – сказал Ганс, – попрошу».

Вот утром пошел Ганс далее и пришел к другому замку, в котором опять-таки остался ночевать.

Как прознали в замке, что он к птице гриф идет, так и сказали ему, что в том замке у хозяев дочь больна и уже все средства для излечения ее перепробовали – ничто не помогает; так вот, нельзя ли грифа спросить, чем можно ту дочку вылечить? Ганс обещал и это исполнить, и пошел далее.

И подошел он к реке, и видит, что на ней вместо парома высокий-превысокий человек людей на себе переносит. Спросил и этот перевозчик Ганса, куда он путь держит. «К птице гриф», – отвечал Ганс. «Так вот, как придешь к грифу, спроси, долго ли

я должен всех людей на себе через реку перевозить».

Ганс сказал: «Хорошо, спрошу». Перенес и его перевозчик на другую сторону реки.

Наконец пришел Ганс к дому грифа и застал там только жену его, а самого грифа дома не было. И спросила Ганса грифова жена, чего ему нужно.

Вот Ганс ей все и рассказал: что и перо-то ему нужно из грифова крыла добыть, и вопросы ему задать от людей, попавшихся на пути, и от перевозчика, что через реку переносил.

И сказала Гансу грифова жена: «Нельзя тебе самому говорить с грифом – он тебя съест; а вот ты залезай под кровать да слушай, как я его буду спрашивать, и запоминай его ответы; а как он покрепче уснет, так ты у него перо из крыла и вырви».

Ганс всем этим был очень доволен и полез под кровать грифовой жены.

Под вечер вернулся гриф домой и, чуть вступил в горницу, говорит жене: «Чую я здесь чужого, крещеного». – «Да, – отвечала жена, – ты прав, был тут один крещеный да ушел».

И гриф на это ничего не сказал.

Среди ночи, в то время как чудовище заснуло и громко стало храпеть, Ганс высунулся из-под кровати и вырвал у грифа перо из крыла.

Гриф тотчас проснулся и говорит жене: «Жена! Я чую здесь крещеного, и кажется мне, как будто он меня за крыло теребит». – «Тебе это, верно, приснилось, – отвечала жена, – а я тебе уже говорила, что был тут христианин, да ушел. Он мне много всякой всячины рассказывал. Вот в одном замке потерялись ключи от денежного сундука и нигде их найти не могут». – «0, дурачье! – сказал гриф. – Ключи лежат в деревянном доме за дверью под порогом». – «А в другом замке, – продолжала жена, – дочь больна лежит, и не знают средства, которым бы ей можно было помочь». – «Дурачье! Пусть заглянут в погреб: там под порогом жаба свила себе гнездо из волос той девушки; и когда эти волосы у жабы отнимут, девушка выздоровеет». – «А вот еще рассказывал он, что где-то вместо парома человек на себе людей перевозит». – «0, дурень! – сказал гриф. – Стоит ему только

одного с себя сбросить, и никогда он более переносить не будет!»

Рано на другое утро гриф поднялся и улетел. Тогда вылез Ганс из-под кровати и перо грифово вытащил; и все-то выслушал, что гриф говорил и о ключах, и о больной девушке, и о перевозчике. Грифова жена ему еще раз все это повторила, чтобы он мог хорошенько все запомнить, и затем он пустился в путь.

Сначала пришел он к перевозчику у реки, и когда тот спросил его, что сказал гриф, Ганс ответил ему: «Сначала перевези меня, а потом я тебе скажу».

Переправившись на другой берег, Ганс сказал ему, что стоит ему только одного среди воды с себя сбросить, и никого больше переносить он не будет.

Перевозчик этому так обрадовался, что предлагал Гансу еще раз его перевезти, но тот отказался и пошел далее.

Потом Ганс пришел к замку, где была больная дочь; поднял он ее на плечи, так как она ходить не могла, снес вниз по лестнице погреба и, взяв гнездо жабы под нижнюю ступенью, отдал его в руки больной девушке, и та тотчас спрыгнула у него с плеч и побежала по лестнице вверх совсем здоровая. Тут ее отец с матерью обрадовались и дали Гансу подарки серебряные и золотые; и готовы были дать все, чего бы он ни пожелал.

Придя в другой замок, Ганс тотчас пошел в деревянный дом и, действительно, за дверью под порогом нашел ключи и передал их хозяину замка.

И тот тоже немало обрадовался и дал Гансу в награду много того золота, которое было в его сундуке, и сверх того еще много всякого добра – кур, овец и коз.

Когда Ганс вернулся к королю со всеми этими подарками – деньгами, золотом и серебром, курами, баранами и козами – король спросил его, где он все это успел набрать.

Ганс и сказал ему, что птица гриф каждому всего даст, сколько угодно.

Вот и подумал король, что и он может получить столько же, и пустился в путь-дорогу к грифу; но как только пришел к перевозу – а пришел он после Ганса первый, – перевозчик его тотчас сбросил с себя среди воды: там король и потонул.

А Ганс на его дочке женился и стал королем.

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Ленивый Хайнц (Ленивый Гейнц)

Хайнц был ленив, и хоть у него не было никакого другого дела, кроме того, что он гонял свою козу на пастбище, однако же он все-таки вздыхал, когда, закончив свой рабочий день, возвращался вечером домой.

«Тяжелая эта работа, – говаривал он, – и тягость немалая, так-то вот из году в год гонять козу в поле до поздней осени! И еще если было бы можно при этом прилечь да приуснуть! А то нет, смотри-ка в оба, чтобы она молодые деревца не повредила, либо через изгородь в сад не пробралась, либо с поля не убежала. Не успокоишься тут, на жизнь не порадуешься!»

Он присел, стараясь собраться с мыслями, и все соображал, как бы ему эту тягость со своих плеч сбросить.

Долго все эти соображения ни к чему не приводили, и вдруг у него словно пелена с глаз упала.

«Я знаю, что сделать! – воскликнул он. – Женюсь на толстой Трине; у той тоже есть коза, так она, может, и мою со своею

гонять станет, тогда мне не придется себя мучить».

Итак, Хайнц поднялся, привел свои усталые члены в движение, перешел через улицу (дальше ему идти и не было нужно!) в тот дом, где жили родители Трины, и стал свататься за их работающую и добродетельную дочку.

Родители недолго раздумывали: «Ровня ровнюшке пара», – подумали они и согласились.

Вот толстая Трина и стала женою Хайнца и стала гонять обеих коз в поле.

Наступили для Хайнца красные деньки, и не надобно было ему ни от какой работы отдыхать, кроме своей собственной лени. Лишь изредка и он выходил из дома вместе с женою и говорил: «Только за тем и выхожу, чтобы мне потом покой слаще показался; а то уж начинаешь к нему терять всякий вкус».

Однако же и толстая Трина была не менее своего супруга ленива. «Милый Хайнц, – сказала она ему однажды, – зачем станем мы без всякой нужды жизнь себе портить да еще в лучшие годы? Ведь козы-то наши каждое утро нарушают нам самый сладкий сон. Так не лучше ли будет, если мы их отдадим соседу, а себе возьмем от него взамен пчелиный улей? Ведь улей-то поставим мы на солнышке позади дома, да уж о нем и заботиться не станем. Пчел ни кормить, ни в поле гонять не надо: они сами и вылетают из улья, и прилетают обратно, и мед собирают, не требуя от нас никакой затраты труда». – «Ты это, женушка, разумно надумала! – похвалил Хайнц. – И мы твое предложение выполним немедленно; да к тому же мед и вкуснее, и питательнее козьего молока, и сохраняется дольше».

Сосед, конечно, весьма охотно дал за двух коз колоду пчел. Пчелы неумоимо летали из колоды туда и обратно с утра до позднего вечера и наполнили соты прекраснейшим медом, так что по осени Хайнц добыл его целую кружку.

Эту кружку они поставили на полку в своей спальне, вероятно, из опасения, что мед могут украсть, и чтобы предохранить его от мышей. Трина припасла палочку около своей кровати, чтобы, не вставая, отгонять от меда палкой непрошенных гостей.

Ленивый Хайнц неохотно покидал постель ранее полудня. «Кто рано встает, – говаривал он, – тот себя не жалеет».

Однажды, среди бела дня лежа в постели и отдыхая от долгого сна, он сказал своей жене: «Все бабы – сластены, и ты мед подлизываешь; пока ты его не съела, не лучше ли нам выменять его на гуся с гусенком?» – «Пожалуй, – отвечала Трина, – только уж не раньше, как после рождения ребенка, который бы нам этого гуся с гусенком стал пасти! Не мне же за гусятами ухаживать да силы свои на это тратить!» – «А ты думаешь, – сказал Хайнц, – что твой ребенок станет гусей пасти? Нынче дети-то родителей не очень слушают: все больше по своей воле делают, потому что умнее родителей себя считают». – «О! Пусть только попробует меня не послушать, так и не порадуется! Я тогда возьму палку, да и устрою ему хорошую баню. Вот как его учить стану!» – воскликнула Трина и в своем усердии, схватив палку, приготовленную для мышей, так взмахнула, что задела кружку с медом на полке.

Кружка ударилась о стену и, упав с полки, разбилась вдребезги, а чудный мед разлился по полу.

«Вот тебе и гусь с гусенком! – сказал Хайнц. – Теперь его и пасти не придется. А все же ведь счастье, что кружкато мне на голову не упала! Право, нельзя нам на свою судьбу пожаловаться».

И, увидев в одном из черепков немного меду, он протянул к нему руку и сказал с видимым удовольствием: «Остаточком, жenuшка, полакомимся, а потом с перепугу-то и отдохнем еще; ну, что за важность, если мы и попозже обычного времени встанем: ведь день и так велик». – «Да, голубчик, еще успеется. Недаром об улитке говорят, что она была на, свадьбу приглашена и, пустившись в путь, поспела только на крестины. Ведь тише-то едешь – дальше будешь!»

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Стекло́нный гроб

Никогда не утверждай, что бедняк-портной не может пойти весьма далеко и не может достигнуть высоких почестей: ведь стоит только ему знать, куда обратиться, а главное надо, чтобы ему повезло!

Вот такой-то исправный и проворный портняжный подмастерье однажды во время своих странствий из города в город забрел в большой лес и, не зная дороги, в лесу заблудился.

Наступила ночь, и ему пришлось волей-неволей искать себе ночлега в этой страшной глуши. Он бы охотно прилег на мягкий мох, но побоялся диких зверей и потому должен был решиться переночевать на дереве.

Выискал он высокий дуб, взобрался на самую его вершину и возблагодарил Бога за то, что у него был с собою утюг захвачен, а не то ветер, гулявший по вершинам деревьев, пожалуй, сдул бы его сверху.

Проведя несколько часов в темноте не без дрожи и не без опасений, он увидел в некотором отдалении огонек; предположив, что это, верно, чье-нибудь жилище, где ему удобнее будет приютиться, чем на ветвях дерева, он осторожно спустился вниз и пошел на огонек. Так подошел он к шалашу, сплетенному из тростника и водорослей, и смело постучался в дверь.

Дверь отворилась, и при свете свечи, горевшей внутри шалаша, наш путник мог разглядеть маленького, совсем седого старичка,

одетого в платье, сшитое из пестрых лоскутков. «Кто ты и чего тебе нужно?» – спросил старичок сиплым голосом. «Я – бедный портной! Ночь застала меня здесь в лесу, и я усердно прошу вас, чтобы вы меня пустили переночевать в вашем шалаше». – «Ступай своей дорогой, – ворчливо отвечал ему старик, – я с бродягами не знаюсь; ищи себе приюта в другом месте».

И с этим словами собирался опять юркнуть в свое жилище, однако же портной, ухватив его за полы одежды, стал просить так трогательно, что старик, который вовсе не был таким злым, каким хотел казаться, наконец сжалился, впустил его в свою хижину, накормил и указал ему в углу весьма удобную постель.

Усталый портной не нуждался в укачиванье и сладко заснул до утра, да, пожалуй, и тогда еще не подумал бы вставать, кабы не был испуган страшным шумом.

Громкие крики и мычание доносились из-за тонких стенок шалаша. Портной, к которому нежданно возвратилось его мужество, вскочил с постели, поспешно оделся и вышел из шалаша.

Близехонько он увидел большого черного быка и прекрасного оленя, которые жестоко между собою бились. Они с такою яростью друг на друга наускаивали, что земля дрожала от их топота, а воздух потрясен был их ревом.

Долго длился бой, и нельзя было решить, который из двух бойцов одолеет, но наконец олень вонзил свои рога в бок быку, и бык со страшным ревом пал на землю и окончательно был добит несколькими ударами оленьих рогов.

Портной, с изумлением смотревший на этот бой, еще не успел прийти в себя, как уже олень подскочил к нему и, прежде чем он мог увернуться, подхватил его рогами. Портной совсем растерялся и понять не мог, куда мчит его олень во всю прыть через пень и колоду, по долам и по горам, по лугам и лесам. Он только держался крепко-накрепко за концы оленьих рогов, целиком положившись на произвол судьбы: ему казалось, что он летит, летит куда-то вдаль...

Наконец олень остановился перед отвесною скалою и легонько опустил портного на землю. Портной, ни жив ни мертв, не сразу мог и совладать с собою. А между тем олень что есть мочи ударил рогами в одну из дверей в скале, и та дверь широко

распахнулась. Оттуда выбилось пламя, а за пламенем повалили большие клубы дыма, среди которых олень скрылся из глаз портного, и тот не знал, что ему делать и куда обратиться, чтобы опять на свет Божий выйти из этой трущобы.

В то время, как он стоял в нерешительности, из скалы раздался голос, который сказал ему: «Вступай сюда без опасения; с тобою ничего дурного не случится». Он и тогда еще не совсем решился, однако же, привлекаемый какоюто неведомой силой, повинувшись слышанному голосу, прошел через железную дверь в большой, просторной зал.

В том зале пол, стены и потолок были сделаны из квадратных, гладко отполированных камней, на каждом из которых были вырезаны неизвестные ему знаки. Он на все это посмотрел с изумлением и только что собирался опять выйти из зала, как вновь услышал тот же голос, громко произнесший: «Ступи на камень, что на середине зала положен, – там ждет тебя большое счастье».

Мужество его уже настолько вернулось к нему, что он мог последовать этому велению. Камень, на который он вступил, начал полегоньку под его ногами подаваться и медленно опустился вглубь.

Когда он опять приостановился и портной оглянулся кругом, то оказалось, что он стоит среди зала, равного по величине верхнему залу. Но здесь еще более, чем там, было на что посмотреть и подивиться.

На стенах были высечены углубления, и в них поставлены сосуды из прозрачного стекла, наполненные цветным спиртом или голубоватым дымком. На полу зала стояли, один против другого, два больших стеклянных ящика, которые тотчас же привлекли его любопытство.

Подойдя к одному из них, портной увидел там прекрасное здание, вроде замка, окруженного хозяйственными пристройками, хлевами и житницами. Все было маленькое, но чрезвычайно тщательно и красиво сделано: видно было, что все это с величайшею точностью было вырезано искусною рукою.

Он бы, вероятно, еще не скоро оторвался от осмотра этой диковинки, если бы опять не раздался тот же голос. Голос

потребовал, чтобы наш портной оглянулся и посмотрел на другой стеклянный ящик.

Каково же было его изумление, когда он там увидел девушку-красавицу! Она как бы спала и вся была окутана волною своих золотистых волос, как бесценным плащом. Глаза ее были закрыты, но по оживленному цвету ее лица и по ленте, которая шевелилась от ее дыхания, нетрудно было убедиться в том, что она жива.

Портной смотрел на красавицу с сильным биением сердца, и вдруг она открыла глаза и взглянула на него с радостью и страхом. «О небо! – воскликнула она. – Мое освобождение близится; скорее, скорее помоги мне выйти из моей тюрьмы: отодвинь только задвижку моего стеклянного гроба, и я свободна».

Портной повиновался не колеблясь, и красавица, тотчас приподняв стеклянную крышку, вышла из гроба, поспешно удалилась в угол зала и там укуталась широким плащом.

Затем она присела на один из камней, подозвала к себе нашего молодца и, дружески поцеловав его, сказала: «О ты, давно ожидаемый мой освободитель, благое небо привело тебя ко мне и положило предел моим страданиям. В тот же самый день, в который они окончились, должна и для тебя наступить счастливая пора. Ты мне предназначен в супруги и должен, мною любимый и всеми земными благами наделенный, отныне проводить жизнь в непрерывной радости. Присядь здесь и выслушай рассказ о моей судьбе...

Я – дочь богатого графа. Родители мои умерли еще во время моей юности и поручили меня в духовном своем завещании моему старшему брату, у которого я и была воспитана. Мы так нежно друг друга любили и так близко сходились с ним и в наших воззрениях, и в наших наклонностях, что решили оба никогда не расставаться до конца жизни: и ему не жениться, и мне не выходить замуж. В нашем доме постоянно бывали многие, соседи и приятели съезжались к нам часто, и мы всех принимали с одинаковым радушием.

Вот и случилось однажды вечером, что какой-то чужеземец заехал в наш замок и под тем предлогом, что он в тот день не успеет добраться до ближайшего местечка, стал просить о дозволении переночевать у нас. Мы, конечно, дозволили с величайшею

любезностью, и он за ужином очень забавлял нас своим разговором и рассказами. Брату моему он так понравился, что он попросил гостя прожить у нас денек-другой, на что тот после некоторого раздумья согласился.

Поздно ночью поднялись мы после ужина из-за стола, и чужеземцу была указана его комната; а я, утомленная, поспешила к себе, чтобы поскорее улечься в свою мягкую постель.

Едва только я стала засыпать, как меня пробудили звуки нежной и прелестной музыки. Так как я не могла понять, откуда эти звуки исходили, то я и задумала позвать к себе мою горничную из соседней комнаты, но, к величайшему моему изумлению, почувствовала, что на меня словно домовый навалился: неведомая сила отняла у меня дар слова, и я не могла произнести ни звука.

Между тем я увидела при свете ночной лампы, что чужеземец вступил в мою комнату, проникнув через две крепко запертые двери. Приблизившись ко мне, он сказал, что силою данных ему во власть волшебных чар он пробудил меня нежною музыкою, а теперь и сам ко мне проник сквозь все затворы в том намеренье, чтобы предложить мне руку и сердце. Но мне так показались противны его волшебные чары, что я не удостоила его ответом.

Он некоторое время простоял неподвижно, вероятно, выжидая благоприятного ответа: но так как я продолжала молчать, он в гневе объявил мне, что будет мстить и найдет возможность наказать меня за мое высокомерие, а затем покинул мою комнату. Я провела ночь очень тревожно и уснула уже только под утро. Проснувшись, я послала к брату моему, чтобы рассказать ему обо всем случившемся, однако же я не нашла брата в его комнате, а его слуга объявил мне, что он еще не рассвете отправился с чужеземцем на охоту.

Мучимая дурными предчувствиями, я велела оседать моего любимого иноходца и в сопровождении только одного слуги помчалась в лес.

Вскоре слуга упал вместе с лошадыю и не мог уже следовать за мною, так как его лошадь сломала себе ногу. Не останавливаясь, я продолжала свой путь и вскоре увидела чужеземца, ехавшего ко мне навстречу с красавцем-оленом на привязи.

Я спросила его, куда девал он брата моего и как добыл этого оленя, из глаз которого лились крупные слезы. Вместо ответа он громко рассмеялся. Я, страшно взбешенная этим, выхватила пистолет и выстрелила в чудовище; но пуля отскочила от его груди и попала в голову моему коню. Я упала наземь, а незнакомец пробормотал какие-то слова, от которых я потеряла сознание.

Когда я опять пришла в себя, я, уже находилась в этой подземной пещере в моем стеклянном гробе. Чародей еще раз явился ко мне, сказал, что он моего брата обратил в оленя, мой замок со всеми угожьями уменьшил до такой величины, что он весь поместился в другой стеклянный ящик, а всех людей моих превратил в дым и закупорил вот в эти стеклянные сосуды. Если я желаю покориться его воле, то ему ничего не стоит все опять привести в прежний вид: стоит только вскрыть сосуды, и все примет свой естественный образ. Я ему по-прежнему ничего не отвечала. Тогда он исчез, покинув меня в моей темнице, где вскоре одолел меня глубокий сон.

Среди тех образов, которые проносились в моем сознании, была и такая утешительная картина: мне представлялось, что к моему гробу подходит юноша и освобождает меня из моей темницы, и вот сегодня, открыв глаза, я увидела тебя и вижу, что моя мечта осуществилась. Помоги мне выполнить то, что мне еще так недавно представлялось, как наяву, в моих сновидениях.

Первое, что мы должны сделать, это поднять стеклянный ящик с моим замком и поставить на тот широкий камень».

Как только ящик был поставлен на камень, камень поднял его вместе с красавицей и с юношей в верхний зал, из которого они легко могли выйти на свежий воздух. Туда же вынесли они и ящик, сняли с него крышку, и любо-дорого было посмотреть, как замок, дома и все строения стали вдруг увеличиваться и быстро возрастая до своей настоящей величины.

Затем они вернулись снова в подземную пещеру и на том же камне подняли вверх наполненные дымом сосуды. И чуть только красавица вскрыла сосуды, голубоватый дымок вышел из них и превратился в живых людей, в которых красавица узнала всех своих слуг.

Ее радость возросла еще более, когда она увидела, что ее брат едет к ней из лесу в своем прежнем, человеческом, образе, который к нему возвратился после того, как он убил чародея в виде черного быка.

И в тот же день по своему обещанию красавица обвенчалась со счастливецем-портным.

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Умный слуга (Умный работник)

Как счастлив тот господин и как у него хорошо в доме, когда у него есть умный слуга, который, хотя и слушается его приказа, но не только по нему поступает, а и по своей великой премудрости!

Такой-то вот премудрый Ганс был однажды послан своим господином на поиски пропавшей коровы. Долго он не возвращался домой, и господин его уж думал: «Верный мой Ганс! Он же в угоду никакого труда не боится!» И так как он все-таки не возвращался, его господин стал опасаться – не случилось ли с ним какого несчастья? Он сам собрался в путь, чтобы его

разыскать.

Долго он искал и наконец увидел слугу, который бегал взад и вперед по полю. «Ну, добрый Ганс, – сказал господин, добравшись до слуги, – нашел ли ты корову, за которую я тебя отправил?» – «Нет, сударь, – отвечал тот, – коровы я не сыскал, да, правду сказать, и не искал вовсе». – «А что же ты делал, Ганс?» – «Был занят делом почище того: трех черных дроздов добыл». – «Да где же они?» – спросил господин. – «А вот они: одного вижу, другого слышу, а за третьим гонюсь!» – отвечал умный слуга.

Вот с этого и образец себе бери: не тревожься о своем господине и об исполнении его приказаний; делай то, что тебе нравится и к чему чувствуешь расположение, тогда и будешь так же премудро поступать, как умный Ганс.

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Белоснежка и Розочка (Беляночка и Розочка)

В своей избушечке одиноко жила бедная вдовица, а перед избушечкой был у нее садик, и в саду росли два розовых деревца; на одном из них розы были белые, на другом – красные. И были у вдовицы две дочки, ни дать ни взять как эти два деревца: одну звали Белоснежкой, а другую Розочкой.

И были они такие добрые и славные, такие трудолюбивые и безобидные, что лучше их нельзя было себе детей представить; Белоснежка была только потише и помягче характером, чем Розочка. Розочка любила больше бегать по полям и лугам, цветы собирать и летних пташек ловить; а Белоснежка около матери дома сидела, в хозяйстве ей помогала либо с нею читала, коли нечего было больше делать.

Обе девочки так любили друг друга, что всегда шли рука об руку, когда вместе уходили из дома, а если Белоснежка, бывало, скажет: «Мы не покинем друг друга», – то Розочка отвечала: «Пока живы», – а мать к этому добавляла: «Что у вас есть – все пополам».

Часто бегали они вместе по лесу и собирали ягоды, и ни один зверь им зла не делал, и все доверчиво к девочкам подходило: зайчик из их рук съедал капустный листочек, дикая козочка спокойно паслась около них, олень весело прыгал, а птички слетали с ветвей и пели, что умели.

Никакой беды с ними не приключалось, и когда, бывало, запоздают в лесу и ночь их там застанет, они преспокойно

улягутся рядышком на мху и спят до утра, и мать это знала и нисколько не тревожилась.

Однажды, когда они переночевали в лесу и заря их разбудила, увидели они, что рядом с их ложем сидит прекрасное дитя в белом сияющем одеянии.

Оно поднялось со своего места, ласково на них посмотрело и молча удалилось в лес.

А когда они огляделись, то оказалось, что они спали почти на краю глубокого оврага и, конечно бы, в овраг упали, если бы ступили шаг-другой далее.

Мать, услышав об этом, сказала, что сидел около них, вероятно, ангел, который охраняет добрых деток.

Обе сестрицы соблюдали в хижине матери такую чистоту, что любо-дорого посмотреть было.

Присмотр за домом летом принимала на себя Розочка и каждое утро до пробуждения матери ставила на столик у ее кровати букетик цветов и в нем – по розе с каждого деревца.

Зимой Белоснежка разводила огонь в очаге и подвешивала котел над огнем на крюке, и котел был медный и блестел как золото – так чисто был вычищен.

Вечером, бывало, скажет ей мать: «Ступай, Белоснежка, да запри-ка дверь на задвижку», – и тогда садились они у очага, и мать, надев очки, читала им кое-что из большой книги, а обе девочки слушали, сидя около нее, и пряли.

Рядом с ними на полу лежал барашек; а позади их на шестке, подвернув головку под крылышко, сидел белый голубочек.

Однажды вечером, в то время, когда они так-то сидели у очага, кто-то постучался у дверей, как бы просясь войти.

Мать и сказала: «Поскорее, Розочка, отопри; это, может быть, путник, ищущий приюта».

Розочка пошла и отодвинула задвижку, думая, что стучится какой-нибудь бедняк; но оказалось, что стучался медведь, который просунул свою толстую черную голову в дверь.

Розочка громко вскрикнула и отскочила, барашек заблеял, голубочек встrepенулся, а Белоснежка быстренько спряталась за материну кровать.

Но медведь заговорил: «Не бойтесь, я вам зла не сделаю; я,

видите ли, очень озяб, так немного хочу у вас обогреться». – «Ах, ты бедный медведь! – сказала ему мать. – Ложись тут у огня, да смотри, чтобы твоя шуба как-нибудь не загорелась».

А потом крикнула: «Белоснежка, Розочка! Выходите, медведь вам никакого зла не сделает!»

Тут они обе подошли, и барашек, и голубок приблизились, и мало-помалу все перестали бояться медведя. Медведь сказал им: «Детки! Выбейте-ка мне немного снег из моей шубы», – и те принесли метелку, и мех на нем вычистили, и вот он растянулся у огня, как у себя дома, и стал ворчать от удовольствия.

Немного спустя они уже и совсем с медведем свыклись и стали над ним подшучивать. Они ерошили ему шерсть руками, ставили ножки свои ему на спину, двигали его туда и сюда, а не то возьмут прутик и давай на него нападать: он-то ворчит, а они хохочут. Медведь им все это спускал, и только тогда, когда уж очень они его донимать начнут, он и крикнет им в шутку:

Ты на меня не очень нападайте!

Поосторожней! Жениха не убивайте!

Когда пришло время спать ложиться, мать сказала медведю: «Ты можешь тут лежать у очага; тут будешь ты укрыт от холода и непогоды».

На рассвете детки его выпустили, и он поплелся по снегу в лес. С той поры медведь приходил к ним каждый вечер в определенный час, ложился у очага и давал девушкам полную возможность с ним забавляться; и они к нему так привыкли, что, бывало, и дверь не запрут до тех пор, пока не явится их косматый приятель.

Наступила весна, и все зазеленело кругом.

Вот медведь и сказал Белоснежке: «Теперь я должен удалиться и целое лето не приду к вам». – «А куда же ты уходишь, Мишенька?» – спросила Белоснежка.

«Я должен уйти в лес – оберегать мои сокровища от злых карликов; зимою, когда земля крепко замерзает, они должны поневоле под землю оставаться и не могут оттуда выбраться; но теперь, когда от солнца земля растаяла и прогрелась, они сквозь землю прорываются, выходят сюда, разыскивают и крадут то, что им нужно. Что им попало в руки и унесено ими в пещеры, то уж не добудешь, не вытащишь на свет Божий».

Белоснежка очень грустила, когда ей пришлось с медведем расставаться и она ему в последний раз отперла дверь; медведь при этом протискивался в дверь да зацепился за дверной крюк и оборвал себе кусочек шкуры, и показалось Белоснежке, как будто из-под шерсти сверкнуло золото; но она не совсем была уверена в том, что видела.

А медведь бросился бежать опрометью и вскоре скрылся за деревьями.

Несколько времени спустя мать послала дочерей в лес хворост собирать.

Нашли они в лесу большое дерево, срубленное и поваленное на землю, и около него в траве что-то прыгало, и они никак не могли разобрать, что это было такое.

Подойдя ближе, они увидели карлика; лицо у него было поблеклое и старое, а борода длинная и белая, как снег. Самый кончик бороды зажегся в одну из трещин дерева и, бедняга совался туда и сюда, словно собачонка на веревочке, а вытащить бороды не мог.

Он глянул на девочек своими огненно-красными глазами и крикнул им: «Ну, что там стали? Разве не можете сюда подойти да оказать мне помощь?» – «Да как же ты это сделал, человечек?» – спросила Розочка. «Глупое, любопытное животное! – отвечал ей карлик. – Я хотел расколоть дерево вдоль, чтобы потом расщепить его на лучины для кухни; коли поленья толсты, то легко подгорает наше кушанье: ведь мы готовим себе понемногу, не пожираем столько, сколько вы, грубые жадные люди! Вот и я загнал туда клин, и дело бы кончилось наилучшим образом, если бы клин не выскочил и дерево не защемило мою прекрасную седую бороду; а теперь она защемята, и я не могу ее вытащить. Ну, чего вы смеетесь, глупые девчонки! Фу, какие вы гадкие!»

Девушки приложили все усилия, однако же не могли вытащить бороду, которая крепко застряла в расщелине пня.

«Вот я сбегая да людей призову!» – сказала Розочка. «Ах вы, полоумные! – прошамкал карлик. – Зачем тут звать людей? Мне и вы-то две противны! Или вы ничего лучше придумать не можете?» – «Потерпи немножко, – сказала Белоснежка, – уж я тебе помогу как-нибудь!» – вытащила ножницы из кармана и отрезала ему

кончик бороды.

Как только карлик почувствовал себя свободным, так подхватил мешок с золотом, припрятанный у корней дерева, и проворчал про себя: «Неотесанные люди! Отрезали мне кусок моей чудной бороды! Чтоб вам пусто было!» – взвалил мешок на спину и ушел, даже не удостоив девушек взглядом.

Несколько времени спустя сестрицы задумали наловить рыбы к столу. Подойдя к ручью, они увидела, что нечто вроде большого кузнечика прыгает около воды, как бы собираясь в нее броситься. Они подбежали и узнали карлика.

«Куда это ты? – сказала Розочка. – Уж не в воду ли кинуться собираешься?» – «Не такой я дурак, – крикнул карлик, – и разве вы не видите, что проклятая рыбина меня туда за собою тащит?»

Оказалось, что он там сидел и удил, и случилось на беду ему, что ветром его бороду спутало с удочкой; а тут большая рыба на удочку попалась, и у карлика не хватало сил ее вытянуть, рыба его одолевала и тащила за собою в воду.

Как он ни хватался за травы и коренья, ничто не помогало; он должен был мотаться из стороны в сторону вместе с рыбой и ежеминутно опасаться, что она стащит его в воду.

Девочки подросли как раз вовремя, подхватили карлика и крепко его держали, стараясь отцепить бороду от удочки: но усилия их были напрасными.

Оставалось одно: вынуть ножницы из кармана и отрезать бороду от удочки, при этом часть бороды, конечно, пострадала.

Когда карлик это увидел, он и давай на них кричать: «Ах вы, дуры, дуры! Где это так водится? Как смеете вы позорить мое лицо! Мало вам того, что вы у меня конец бороды отрезали, вы теперь еще обрезаете мне ее лучшую часть: я в этом виде даже не посмею на глаза своим братьям показаться. А! Чтоб вам, бежавши, подошвы потерять!»

Тут он схватил мешок с жемчугом, запряванный в камышах и, не сказав ни слова более, исчез за камнем.

Случилось, что вскоре после того мать отправила обеих сестриц в город за покупкою ниток, иголок, шнурков и лент. Дорога в город шла пустырем, по которому местами разбросаны были огромные глыбы камня.

Вот и увидели они большую птицу, которая медленно кружила в воздухе, опускаясь все ниже и ниже, и наконец стремглав слетела неподалеку наземь около одного из камней.

Тотчас же после того они услышали душераздирающий жалобный крик.

Девочки подбежали и с ужасом увидели, что большой орел подхватил их старого знакомого карлика и собирается его унести. Добрые девушки тотчас ухватились за карлика и стали биться с орлом до тех пор, пока он свою добычу не выпустил.

Оправившись от испуга, он опять стал кричать на сестриц: «Разве вы не могли обойтись со мною поосторожнее, половчее? Все мое платьишко порвали, обрубки вы неотесанные!» Потом подхватил лежавший рядом мешок с драгоценными камнями и опять скользнул под камень в свою нору.

Девочки, уже привыкшие к его неблагодарности, продолжили свой путь и сделали свои закупки в городе.

На обратном пути, проходя тем же самым пустырем, они застали карлика за делом: выбрав опрятное местечко, он вытряхнул из мешка все свои драгоценные камни и рассматривал их, не предполагая, чтобы кто-нибудь мог так поздно проходить тем пустырем. Вечернее заходящее солнце светило на эти камни, и они сверкали и блестели так великолепно, отливая всеми цветами, что девочки приостановились и стали ими любоваться.

«Чего вы там стоите, рот разиня!» – крикнул карлик, и его землистое лицо побагровело от злости.

Он и еще собирался браниться, как вдруг раздалось громкое урчание, и черный медведь вывалил из леса.

Карлик в перепуге отскочил в сторону, но уже не мог укрыться в свою лазейку: медведь был тут как тут.

Тогда он в ужасе закричал: «Милейший господин медведь! Пощадите меня, я вам готов отдать все мои богатства, взгляните хоть на те драгоценные камни, которые там рассыпаны! Подарите мне жизнь! Гожусь ли я вам, маленький и ничтожный? Вы меня на зубах и не почувствуете! Вот, берите этих двух девчонок: они обе для вас лакомый кусочек! Выкормлены, что перепелки! Их и кушайте на здоровье!»

Медведь, не обратив внимания на слова злого карлика, дал ему

шлепка своей лапой и разом с ним покончил.

Девочки тем временем убежали, но медведь закричал им вслед: «Белоснежка и Розочка! Не пугайтесь, подождите меня, и я с вами!»

Те узнали его голос и приостановились, а когда медведь с ними поравнялся, его шкура с него свалилась, и он очутился перед ними молодым, стройным красавцем, с ног до головы одетым в золото.

«Я – королевич, – сказал он, – а этот безбожный карлик, выкрав у меня все мои сокровища, заколдовал меня и оборотил в медведя. Так и вынужден я был бегать по лесу, пока его смерть не избавила меня от его колдовства. Теперь он получил заслуженную кару».

Белоснежка с тем королевичем была обвенчана, а Розочка вышла замуж за его брата, и они поделили между собою те большие сокровища, которые карлик успел собрать в своей пещере.

Старуха-мать еще долго жила, спокойная и счастливая, у своих деток.

А два розовых куста они захватили с собою из садочка, и они были посажены перед ее окном, и каждый год расцветали на них чудные розы, белые и пунцовые.

(Голосов: 6. Рейтинг: 3,50 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Сказка-загадка (Загадочная сказка)

Три женщины были обращены в цветы на поле; но одной из них было дозволено ночью домой уходить с поля. Вот и сказала она однажды своему мужу под утро, когда ей надо было к своим товаркам возвращаться и на поле красоваться: «Вот, если ты

сегодня перед полуднем придешь да меня-то сорвешь, так я буду от чар избавлена и навсегда при тебе останусь!»

Все так и случилось.

Вот теперь и догадывайся, по чему муж жену узнал, когда все три цветка были во всем равны и без всяких отличек?

Ответ. Да ведь она по ночам дома бывала, а не на поле. Ну, вот роса-то на нее и не падала, как на два других цветка.

По этому ее муж и узнал.

(Голосов: **6**. Рейтинг: **3,50** из 5)

Загрузка...